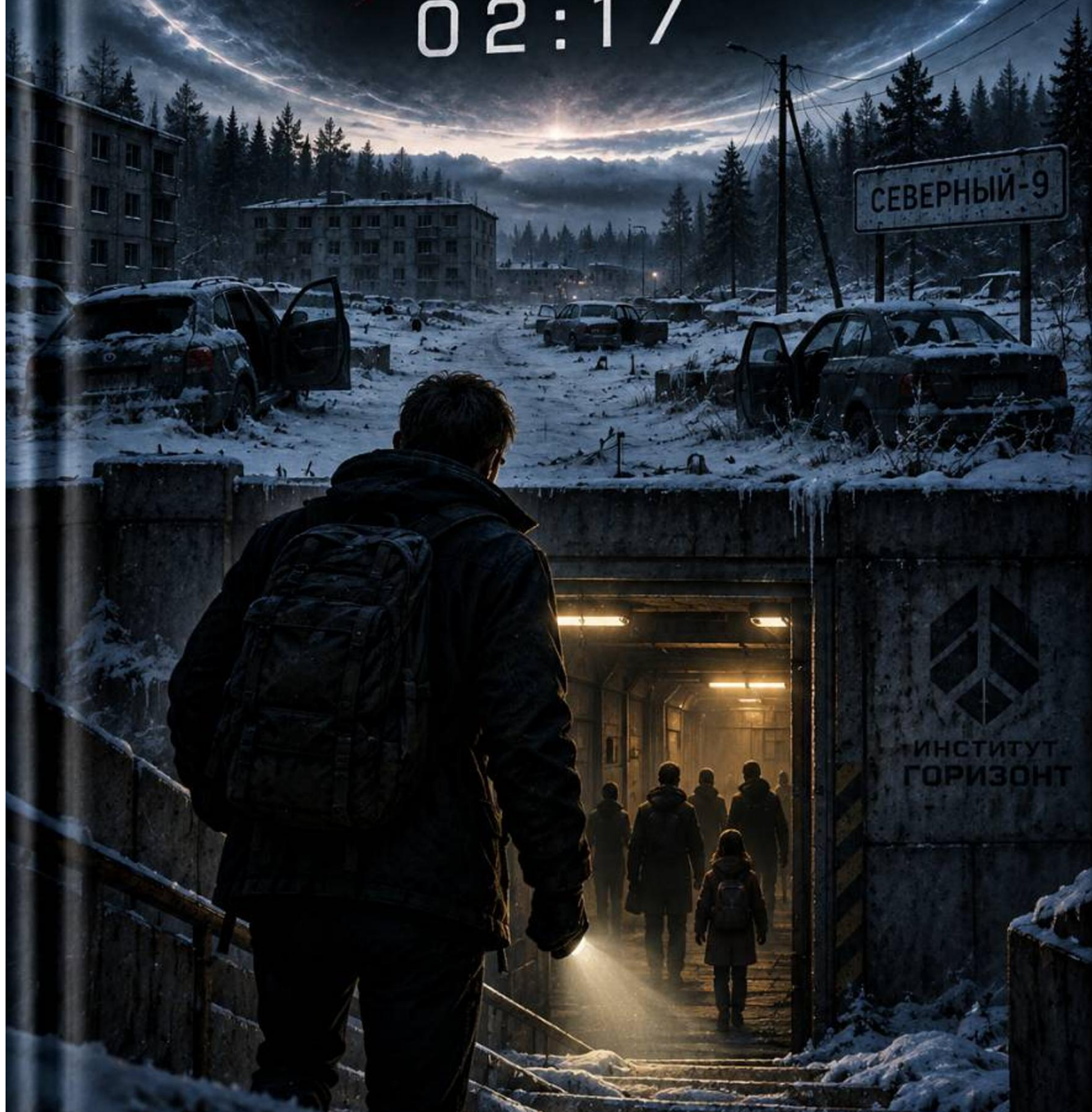

Мёртвая Зона

02:17

Руслан Куликов

Мёртвая зона 02:17

«Автор»

2026

Куликов Р.

Мёртвая зона 02:17 / Р. Куликов — «Автор», 2026

В 02:17 в закрытом сибирском посёлке Северный-9 погас свет и раздался гул, который ощущался всем телом. К утру исчезли все люди на сотню километров вокруг. В постелях ещё тепло, на плитах стоят кастрюли, а машины брошены с открытыми дверями. Выжили только те, кто в ту ночь был глубоко под землёй: охранник секретного института, молодая учёная, старый шахтёр, программист, девятилетняя девочка и ночная смена шахты. Бывший спасатель Глеб Ветров хотел больше никогда ни за кого не отвечать. Теперь ему нужно удержать выживших от войны друг с другом, понять, что на самом деле испытывали в институте «Горизонт», и не открыть дверь, когда ночью в неё постучит пропавшая сестра. Потому что исчезнувшие начали возвращаться.

© Куликов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тихая ночь	5
Глава 2. Пустой посёлок	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Руслан Куликов

Мёртвая зона 02:17

Глава 1. Тихая ночь

В два часа ночи подвал института «Горизонт» был самым тихим местом на свете. Глеб Ветров знал это точно, потому что за восемь месяцев работы охранником выучил наизусть каждый его звук. Гудение ламп дневного света. Щелчок реле в электрощитовой каждые сорок минут. Шорох вентиляции, похожий на чьё-то далёкое дыхание. Больше ничего.

Пост номер три располагался на минус втором уровне, у лифтовой шахты и бронированной двери с табличкой «Посторонним вход воспрещён». За дверью начиналась лестница на минус третий. Ключа от неё у Глеба не было, и за все восемь месяцев он ни разу не видел, чтобы её открывали. Его работа заключалась в том, чтобы сидеть за столом, раз в час расписываться в журнале и не задавать вопросов. Работа, на которой ни за кого не отвечаешь. Именно такую он и искал.

Он налил себе чаю из термоса и посмотрел на часы. 02:09. До конца смены оставалось шесть часов. Сестра, наверное, давно спит. Марина всегда ложилась рано, вставала в шесть, чтобы успеть приготовить ему завтрак к возвращению, хотя он сто раз говорил, что не надо. «Ты у меня единственный брат, — отвечала она. — Дай хоть о ком-то позаботиться».

В 02:14 замигали лампы.

Глеб поднял голову. Такое бывало и раньше: институт питался от отдельной подстанции, и иногда при перепадах напряжения свет вздрагивал. Но в этот раз мигание не прекратилось. Лампы мерцали неровно, будто кто-то играл с выключателем, а потом на секунду погасли и снова вспыхнули — ярче, чем обычно.

Он встал и снял с пояса рацию.

— Пост три, приём. Дежурный, у вас свет скачет?

Рация ответила шипением. Потом сквозь помехи пробился голос старшего смены, Ковальчука:

— Три, слышу. У нас тоже. Учёные опять что-то включили, сиди на месте.

— Понял.

Глеб вернулся за стол. Учёные «опять что-то включили» — это была стандартная фраза для всего, что происходило в институте и чего никто из охраны не понимал. На минус третьем часто работали по ночам. Иногда оттуда поднимались люди в белых халатах с усталыми лицами, кивали ему и уходили к лифту. Сегодня, насколько он помнил, внизу оставались двое: сам директор Карпов и молодая сотрудница, Сомова. Глеб видел, как они спускались около десяти вечера. Карпов выглядел так, будто не спал неделю.

В 02:17 Глеб почувствовал гул.

Сначала он подумал, что это где-то работает мощный насос или компрессор. Но звук шёл не из определённого места. Он шёл отовсюду: из пола, из стен, из самого воздуха. Низкий, на грани слышимости, он ощущался скорее телом, чем ушами. Задрожал стакан с чаем. Ручка покатила по столу и упала. У Глеба заныли зубы, а в груди появилось странное давление, как бывает, когда самолёт резко идёт на посадку.

Он схватил рацию.

— Дежурный, что происходит?

Тишина. Даже шипения не было. Рация просто умерла у него в руке: индикатор погас.

Гул нарастал. Лампы под потолком вспыхнули так ярко, что Глеб зажмурился, и одна за другой с хлопком лопнули. Посыпалось стекло. Он упал на колени, прикрыв голову руками, и в наступившей темноте почувствовал, как гул проходит сквозь него, словно волна сквозь воду.

А потом всё кончилось.

Сразу, без затухания. Только что пол дрожал под ладонями, и вот уже ничего — ни звука, ни вибрации. Только темнота и запах горелой проводки.

Глеб долго не двигался. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Восемь лет в МЧС научили его одному: после удара не вскакивай сразу. Сначала проверь себя. Руки, ноги — шевелятся. Крови вроде нет. Слух вернулся: он слышал собственное дыхание. Значит, контузии нет.

Он нащупал на поясе фонарик. Старый, на батарейках, с кнопкой — подарок Марины на день рождения, над которым он посмеялся: «Зачем мне фонарик, я в подвале сижу при свете». Фонарик включился.

Луч выхватил из темноты разбитые лампы, опрокинутый стакан, журнал дежурств, усыпанный стеклом. Глеб посмотрел на часы. Электронные наручные часы показывали пустой экран. Механические настенные над столом стояли на 02:17.

— Ковальчук! — крикнул он в сторону лестницы.

Эхо прокатилось по коридору и затихло. Никто не ответил.

Глеб поднялся. Аварийное освещение должно было включиться автоматически через десять секунд после отключения основного. Не включилось. Значит, сгорело и оно. Он попробовал вызвать лифт — кнопка не отозвалась. Оставалась лестница.

Ему нужно было подняться на минус первый, к посту Ковальчука, а потом наверх. Он уже шагнул к лестнице, когда за спиной что-то лязгнуло.

Бронированная дверь на минус третий уровень открывалась.

Глеб резко развернулся и направил туда фонарь. Дверь медленно отошла в сторону, и из проёма, щурясь от света, вышла девушка в белом халате. Тёмные волосы, собранные в хвост, растрёпаны. На щеке ссадина. В одной руке у неё был такой же фонарик, как у него, только выключенный, а другую руку она держала в кармане халата так, будто там лежало что-то очень важное.

Анна Сомова. Та самая, что спускалась вниз с директором.

— Не светите в глаза, — хрипло сказала она.

Глеб опустил луч.

— Вы в порядке?

— Не знаю. — Она прислонилась к стене. — А вы?

— Жив. Где Карпов?

Анна посмотрела на него долгим странным взглядом, будто пыталась понять, можно ли ему что-то сказать.

— Его нет, — наконец ответила она.

— Что значит «нет»? Он ранен? Ему нужна помощь?

— Его нет, — повторила она тише. — Он был рядом со мной у пульта. А потом свет погас. А когда я включила фонарик, его уже не было. Я обошла всю лабораторию. Там никого.

— Может, он вышел раньше...

— Дверь была заперта изнутри. Ключ был только у него. — Она вытащила руку из кармана, и Глеб увидел связку ключей на металлическом кольце с биркой. — Он лежал на полу. Рядом с его очками.

Глеб помолчал. Восемь лет в МЧС научили его ещё одному: когда человек в шоке, с ним нельзя спорить. Нужно дать ему задачу.

— Хорошо, — сказал он. — Сейчас мы поднимемся наверх. Там пост охраны, там телефон. Вызовем помощь. Идти можете?

— Могу.

Они поднимались медленно. Глеб шёл первым, светя под ноги. На площадке минус первого уровня стоял стол Ковальчука. На столе лежала его фуражка. Рядом — недоеденный бутерброд на газете и включённая, но погасшая настольная лампа. Стул был отодвинут, будто человек только что встал.

Ковальчука не было.

— Может, он пошёл наверх, — сказала Анна, и Глеб услышал, что она сама в это не верит.

Он проверил телефон на столе. Мёртвый, без гудка. Проверил свой мобильный — тот даже не включился.

На первом этаже было темно и холодно: в ноябре, без отопления, здание остывало быстро. Глеб толкнул дверь проходной, и они вышли на крыльцо.

Посёлок Северный-9 лежал перед ними под чистым звёздным небом. Глеб никогда не видел столько звёзд. Обычно их скрывал свет фонарей, а сейчас фонари не горели. Не горело ни одно окно. Не лаяли собаки, которые всегда перекликались по ночам. Не гудела котельная.

На площади перед институтом стояла машина ночного патруля. Двери были открыты. В замке зажигания торчали ключи. На переднем сиденье лежала шапка-ушанка, на приборной панели — термос, из открытого горлышка которого ещё поднимался пар.

Глеб подошёл и положил ладонь на капот. Тот был тёплым.

Он обернулся к Анне. Она стояла на крыльце, обхватив себя руками, и смотрела на тёмный посёлок.

— Анна, — сказал он очень спокойно. — Что вы там внизу включили?

Она не ответила. Только крепче сжала связку ключей в кармане.

Глава 2. Пустой посёлок

Дом сестры стоял на улице Строителей, в десяти минутах быстрым шагом от института. Глеб дошёл за пять.

Он не помнил, как бежал. Помнил только хруст снега под ботинками, пар собственного дыхания в луче фонаря и то, что Анна, не сказав ни слова, бежала следом. Тёмные пятиэтажки по обе стороны улицы смотрели на них пустыми окнами. На перекрёстке у магазина стоял рейсовый автобус, который должен был ночевать в парке, но почему-то оказался здесь. Дверь открыта, в салоне пусто.

Подъезд Марины был не заперт: домофон сгорел, как и всё остальное. Глеб взлетел на третий этаж и замер перед дверью. Он вдруг понял, что боится открывать. За восемь лет в МЧС он открыл сотни дверей, за которыми могло быть что угодно. Но ни одну не было так страшно открыть, как эту.

У него был свой ключ. Он повернул его в замке.

— Марина?

В квартире пахло её духами, лавровым листом и чем-то тёплым, домашним. Он посветил в прихожую: её пуховик на вешалке, сапоги у порога. На кухне — две чашки на столе, одна полная. Он знал эту привычку: Марина часто наливала вторую чашку «на всякий случай», если он вдруг вернётся раньше.

Дверь в спальню была приоткрыта. Глеб толкнул её.

Одеяло откинута, словно человек только что встал. На подушке — вмятина от головы. Тапочки стоят у кровати, аккуратно, носками к стене. На тумбочке телефон, книга обложкой вверх, очки для чтения.

Глеб положил ладонь на простыню. Она была ещё тёплой.

Он долго стоял так, не убирая руку, будто тепло могло подсказать, куда она ушла. Потом услышал за спиной тихие шаги.

— Это ваша жена? — спросила Анна с порога.

— Сестра.

Она помолчала.

— Мне очень жаль.

— Не надо, — резко сказал Глеб. — Её нет, но это не значит, что она умерла. Тел нет. Крови нет. Люди не исчезают просто так.

Он сам слышал, как это звучит. Анна ничего не ответила, и за это он был ей благодарен.

До рассвета они обошли полтора квартала. Стучали в двери, кричали, светили в окна. В одной квартире на плите стояла кастрюля с остывшим супом. В другой работал на батарейках детский ночник в форме луны, и в его тусклом свете была видна пустая кровать. В третьей на полу лежала собачья миска, а самой собаки не было. Глеб заметил, что не нашёл ни одного животного крупнее кошки. Кошек, впрочем, тоже не было.

К шести утра у Анны начали стучать зубы. Глеб отвёл её обратно в квартиру Марины, нашёл в шкафу шерстяные носки и плед, а потом спустился в подъезд и сел на ступеньку. Нужно было подумать.

Люди исчезли. Не только в институте, а во всём посёлке. Может быть, и дальше. Электроника сгорела: телефоны, рации, часы, всё, что было включено. Его фонарик работал, потому что был выключен. Это хоть что-то значило, но что именно, он пока не понимал.

А ещё он не понимал, почему остался сам. И почему осталась Анна.

В восемь начало светать. Ноябрьское небо над тайгой посерело, потом порозовело. Глеб вышел на улицу, и в утреннем свете посёлок выглядел ещё страшнее, чем ночью. Ночью можно было представить, что люди просто спят. Днём было видно, что их нет. Ни дыма из труб, ни

следов на свежем снегу, ни машин на дорогах. Только брошенный автобус на перекрёстке, уже припорошённый инеем.

И тут где-то за домами раздался звук. Глухой удар, потом скрип и громкая, от души, ругань.

Глеб побежал на звук. За пятиэтажками начинался частный сектор: деревянные дома, огороды под снегом, сараи. Во дворе крайнего дома, прямо посреди грядок, открывалась крышка погреба. Изнутри её толкали плечом, и она поддавалась с трудом: за ночь примёрзла.

Глеб схватился за край и рванул вверх. Из погреба показалась седая всклокоченная голова, а следом — красное помятое лицо пожилого мужчины в ватнике. Он шурился от света и держал в руке початую бутылку.

— Ты кто такой? — хрипло спросил он. — Чего ломишься?

— Я Глеб. Охранник из института. А вы...

— Лукин. Пётр Семёнович. — Старик выбрался наружу, огляделся и нахмурился. — А чего тихо так? Котельная встала, что ли? Я ночью проснулся — холодина, думаю, батареи отключили. Полез в погреб за огурцами, а там тепло, ну и... посидел маленько. — Он покоился на бутылку и сунул её в карман. — Задремал, видать.

— Пётр Семёнович, — сказал Глеб. — Вы слышали ночью гул?

Старик задумался.

— Было что-то. Будто поезд под землёй прошёл. Банки на полках задрезжали. Я решил — опять в институте ваши чудят.

— В посёлке нет людей.

— Как это нет?

— Совсем нет. Все исчезли. Ночью. Остались только мы.

Лукин посмотрел на него так, как смотрят на сумасшедших. Потом перевёл взгляд на соседний дом, где у калитки стояли брошенные санки, на пустую улицу, на небо без единого дымка. Лицо его медленно менялось.

— Зинка, — вдруг сказал он. — Соседка. Она в шесть всегда корову доит, у неё в сарае свет горит.

Он пошёл к соседнему участку быстрее, чем можно было ожидать от человека его возраста, рванул калитку, распахнул дверь сарая. Глеб видел через его плечо пустое стойло, перевёрнутое ведро и лужу замёрзшего молока на полу.

Лукин постоял на пороге. Потом достал из кармана бутылку, посмотрел на неё и, не открывая, поставил на снег.

— Ну, — сказал он глухо. — Рассказывай, охранник. Всё по порядку.

Они как раз возвращались к улице Строителей, когда навстречу им выскочил запыхавшийся парень в лёгкой куртке и кроссовках, совершенно не подходящих для минус двадцати. Худой, черноволосый, в очках с треснувшим стеклом. Увидев их, он резко затормозил и едва не упал.

— Люди! — выдохнул он. — Вы живые! Слава богу, живые люди!

— Ты откуда? — спросил Глеб.

— Тимур. Ахметов. Я лаборант, сижу в вычислительном центре института, он в бункере под северным корпусом. У меня ночная смена была, обновление серверов. Ночью всё погасло, бахнуло, серверы задымились... Я до утра сидел, думал, сейчас придут, починят. Никто не пришёл. Вышел — а там... — Он махнул рукой куда-то назад. — Там никого. Вообще. Я по всему институту бегал, по посёлку...

— Ты тоже был под землёй, — медленно сказал Лукин.

— Что?

Но старик не ответил. Он смотрел на Глеба, и Глеб видел, что они думают об одном и том же. Охранник на минус втором уровне. Учёная на минус третьем. Лаборант в бункере. Старый шахтёр в погребе. Все четверо ночью были глубоко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.